

Ангел Богданович

**Юродствующая литература:
«О любви»,
М. О....**

Ангел Богданович

Юродствующая литература:

«О любви», М. О.

**Меньшикова; «Сумерки
просвещенія», В. В. Розанова**

«Public Domain»

1899

Богданович А. И.

Юродствующая литература: «О любви», М. О. Меньшикова;
«Сумерки просвещенія», В. В. Розанова / А. И. Богданович —
«Public Domain», 1899

«Есть особый сортъ литературы, для котораго мы не можемъ подобрать болѣе вѣрнаго названія, какъ юродствующая литература. Всякому, конечно, памятно еще изъ учебниковъ, кто были наши юродивые и какими нехитрыми способами привлекали они вниманіе и сочувствіе толпы. Обыкновенно это были нѣсколько поврежденные въ умѣ, но съ достаточной хитрецей нищіе духомъ, которые при помощи наивныхъ пріемовъ старались выдѣлиться изъ ряда обычныхъ нищихъ и создавали иной разъ почетное себѣ имя, перешедшее даже въ исторію. Одни изъ нихъ, затвердивъ какое-либо глупое, но мало понятное слово или фразу, говорили его кстати и некстати и тѣмъ наводили мистическій страхъ на простодушныхъ слушателей...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

А. И. Богдановичъ Юродствующая литература: «О любви», М. О. Меньшикова; «Сумерки просвещения», В. В. Розанова

Есть особый сортъ литературы, для котораго мы не можемъ подобрать болѣе вѣрнаго названія, какъ юродствующая литература. Всякому, конечно, памятно еще изъ учебниковъ, кто были наши юродивые и какими нехитрыми способами привлекали они вниманіе и сочувствіе толпы. Обыкновенно это были нѣсколько поврежденные въ умѣ, но съ достаточной хитрецей нищіе духомъ, которые при помощи наивныхъ пріемовъ старались выдѣлиться изъ ряда обычныхъ нищихъ и создавали иной разъ почетное себѣ имя, перешедшее даже въ исторію. Одни изъ нихъ, затвердивъ какое-либо глупое, но мало понятное слово или фразу, говорили его кстати и некстати и тѣмъ наводили мистическій страхъ на простодушныхъ слушателей. Другіе ограничивались тѣмъ, что ходили въ одной рубахѣ или ѣздили на палочкѣ верхомъ, и видъ бородатаго субъекта въ такомъ легкомысленномъ костюмѣ, занимающагося такимъ ребячьимъ дѣломъ, приводилъ въ трепетъ московскихъ кумушекъ и сокрушалъ ихъ сердца. Были между ними подчасъ и искренніе дураки или прямо сумасшедшіе, невмѣняемость дѣйствій которыхъ оказывала тѣмъ большее вліяніе на осатанѣвшую отъ невѣжества и страха толпу. Послѣднимъ представителемъ такого юродствующаго цеха быть знаменитый Иванъ Яковлевичъ Корейша съ его проникновеннымъ словечкомъ "кололацы", около котораго создалась даже цѣлая литература, защищавшая и комментировавшая его благоглупости, впрочемъ, довольно невинныя по существу.

Но духъ юродства не вымеръ и не угасъ на святой Руси, и отъ времени до времени онъ осянуетъ того или иного избранника, который, возмнивъ себя пророкомъ и сосудомъ особой мудрости, начинаетъ неумоимо разводить свои "кололацы", гремѣть "металломъ" и сокрушать "жупеломъ". За послѣдніе годы въ литературѣ объявились даже два такимъ сосуда – г. Меньшиковъ изъ "Недѣли" и г. Розановъ изъ нѣдръ нашей реакціонной прессы. Трудно сказать, кому изъ нихъ надлежитъ пальма первенства, ибо каждый изъ нихъ единственный въ своемъ родѣ и вполне достоинъ унаслѣдовать лавры Ивана Яковлевича. Оба щеголяютъ во всей, если можно такъ выразиться, душевной наготѣ, оба имѣютъ по палочкѣ, на которой лихо гарцуютъ по страницамъ печатной бумаги, на соблазнъ и изумленіе читающаго міра. Палочка у каждого, конечно, своя. У г. Меньшикова она склеена изъ обрывковъ проповѣди графа Толстого, плохо имъ усвоенныхъ и сдобренныхъ собственной отсебятиной вполне юродиваго содержанія и направленія. То, что у графа представляетъ стройную систему, съ которой можно соглашаться или нѣтъ, но которой нельзя отказать иногда въ страшной силѣ чувства и энергіи выраженія, – у г. Меньшикова превращается въ наборъ обрывочныхъ и противорѣчивыхъ словечекъ и мыслишекъ, разведенныхъ елейной водицей съ доброй дозой постнаго масла, затаенной злости и несомнѣннаго фарисейства. Въ своей книгѣ "Думы о счастьѣ", какъ помнятъ, быть можетъ, читатели, г. Меньшиковъ пытался претворить идеи графа на мѣщанскій ладъ, чтобы сдѣлать бремя ихъ болѣе удобоносимымъ для себя и своихъ присныхъ. Новая книга его "О любви" построена на тотъ же ладъ, какъ увидимъ ниже, и по юродству не уступаетъ первой.

Г. Розановъ избралъ себѣ палочку другого типа. Для характеристики ея довольно вспомнить одинъ изъ недавнихъ его подвиговъ, когда по поводу годовщины прискорбнаго событія на Ходынскомъ полѣ онъ забилъ въ бубны и тимпаны и, ликуя, возгласилъ "аллилуйя!" Или его проповѣдь "животности", какъ главнаго начала и устоя семьи. Черезъ всѣ его юродства красной нитью проходитъ мысль о грубой силѣ, которая ему представляется единственнымъ argumentum ad hominem, достойнымъ поклоненія. Въ церковь, имя которой онъ постоянно

всё повторяет, онъ готовъ людей загонять дубиной и не прочь жечь на кострахъ несогласно-мыслящихъ. Науку и просвѣщеніе онъ ненавидитъ и, не обинуясь, предлагаетъ скалозубовскій методъ воспитанія. Единственную свободу онъ признаетъ для себя, какъ право говорить свои откровенія, образчики которыхъ мы приведемъ ниже. Въ отличіе отъ г. Меньшикова, который не пишетъ, а баюкаетъ, не говоритъ, а сладко глаголетъ, не разсуждаетъ, а ткеть тончайшую сѣть афоризмовъ, въ которой въ концѣ-концовъ запутывается и онъ самъ, и читатели до полного одурѣнія, г. Розановъ съ величайшими усиліями громоздитъ фразу на фразу, бьется надъ словомъ, подыскивая возможно мудренѣе, вычурнѣе, тяжеловѣснѣе, для вящаго удрученія читателя, который прямо-таки раздавливается этой неуклюжей постройкой. Чтеніе произведеній г. Розанова есть тяжкій и удручающій трудъ. Все время чувствуешь себя словно въ темномъ, непроглядномъ мѣстѣ, гдѣ то и дѣло натыкаешься на углы и закоулки, рискуя постоянно удариться лбомъ въ совершенно неожиданный выступъ, или провалиться въ волчью яму. И происходитъ это не столько отъ путаницы мыслей автора, вообще, примитивныхъ и дѣтски-невѣжественныхъ, сколько отъ витіеватости его слога, тяжкаго, темнаго, удушающаго, какъ тѣ густыя, зловредныя испаренія, которыя въ осеннія сумерки подымаются надъ смрадными болотами. Если справедливо изреченіе Бюффона, что слогъ – это человѣкъ, то, составляя по этому слогу представленіе о г. Розановѣ, испытываешь жуткое впечатлѣніе. Его допотопныя мысли, изложенныя допотопнымъ языкомъ, напоминаютъ одно изъ вымершихъ чудовищъ въ книгѣ Гетчинсона – птеродактиля, представляющаго переходное существо отъ пресмыкающихся къ птицамъ, – небольшое, странное созданіе, нѣсколько напоминающее нашу летучую мышь, – нетопыря, но болѣе фантастическое по формѣ крыльевъ и головы. Эти, въ сущности, невинныя творенія обитаютъ въ затхлыхъ, плохо провѣтриваемыхъ подвалахъ, развалинахъ и старыхъ заброшенныхъ зданіяхъ; по ночамъ они вылетаютъ на добычу, охотясь за ночными насѣкомыми и пугая дѣвушекъ и женщинъ, съ налету ударяясь о ихъ бѣлыя платья и лица, а днемъ они скрываются въ своихъ темныхъ обиталищахъ, висятъ головой внизъ, прицѣпившись крѣпкими когтями къ мрачнымъ сводамъ. Такъ и господа Розановы укрываются отъ свѣта солнца по разнымъ темнымъ трущобамъ, куда рѣдко-рѣдко заглядываютъ читатели, и лишь въ сумеречные, неясные дни они рѣютъ въ воздухъ, приводя въ невольную дрожь своимъ фантастическимъ полетомъ и сказочнымъ видомъ. Кромѣ книги "Сумерки просвѣщенія", о которой мы желаемъ поговорить теперь, издатель г. Розанова – П. П. Перцевъ угрожаетъ намъ еще его произведеніями: "Религія и красота", "Литературные очерки" и проч. Все это уже гдѣ-то печаталось, хотя и врядъ ли было кому на потребу. Но не ошибся ли г. Перцевъ, думая, что именно теперь время гт. Розановыхъ приспѣло? Не запоздалъ ли онъ, скорѣе, съ своими изданіями? Не беремся отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ. Пусть, впрочемъ, судятъ сами читатели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.